

Наталья Осис

Солнечный
берег
Генуи

*Русское
счастье
по-итальянски*

русский **иностранец**

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУВИНОЙ

Наталья Осис
Солнечный берег Генуи.
Русское счастье по-итальянски
Серия «Русский иностранец»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65320917

Осис, Наталья Алексеевна. Солнечный берег Генуи. Русское счастье по-итальянски: АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-123419-5

Аннотация

Город у самого синего моря. Сердце великой Генуэзской республики, раскинувшей колонии на 7 морей. Город, снаряжавший экспедиции на Восток во время Крестовых походов, и родина Колумба – самого известного путешественника на Запад. Город дворцов наизнанку – роскошь тут надёжно спрятана за грязными стенами и коваными дверьми, город арматоров и банкиров, торговцев, моряков и портовых девок...

Наталья Осис – драматург, писатель, PhD, преподает в университете Генуи, где живет последние 16 лет.

Эта книга – свидетельство большой любви, родившейся в театре и перенесенной с подмосток Чеховского фестиваля в Лигурию. В ней сошлись упоительная солнечная Италия (Генуя, Неаполь, Венеция, Милан, Тоскана) и воронежские степи над

Доном, русские дачи с самоваром под яблоней и повседневная итальянская жизнь в деталях, театр и литература, песто, базилик и фокачча, любовь на всю жизнь и 4524 дня счастья.

Содержание

«Я думал: вольность и покой...»	6
Часть первая. Простые открытия	9
Как начинается день в Генуе. Лестницы вместо улиц	9
Кой черт занес меня на эти галеры? Как я оказалась в Генуе	16
Dark designer. Генуя и Рим – первое знакомство	21
Квартал Пре. Старый город и Старая Гавань	27
Casa dolce casa. Дом и его устройство	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Наталья Осис
Солнечный берег
Генуи. Русское счастье
ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

© Наталья Осис

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Моему любимому Сандро

«Я думал: вольность и покой...»

Эта книга могла бы называться «100 дней счастья».

Но кто имеет право рассказывать о счастье?

В мои шестнадцать у меня были только книги, лампа на письменном столе, крепкий чай и бабушка. На дворе стояли девяностые, по улицам ходили бандиты, помада из коммерческого ларька казалась несбыточной мечтой, но мечтать хотелось вовсе не о ней, а о том, как можно куда-то поехать, как вокруг будут люди, которые тебя понимают и, может быть, даже любят, – большие, красивые, счастливые люди... И это будет счастье, счастье.

...Я разглядела его – случайно, шесть лет спустя. Вышла ночью в тамбур поезда: стук-перестук, холод, иней, дым. Отражение в темном подмерзшем стекле. Я долго и с интересом его рассматривала – так профессиональные танцовщицы смотрят на свое отражение в зеркальной стене балетного класса: без страха, без желания нравиться, просто чтобы понять, правильно ли работает этот инструмент – твоё тело.

Я смотрела на свое отражение и видела лицо счастливо-го человека.

Это было абсолютно очевидно... и очень странно. Я не была к этому готова. И уж точно не понимала, как это работает.

«Как только приеду, пойду к своему другу-художнику, и скажу ему: Дима, напиши мой портрет вот сейчас, когда я счастлива».

И никуда, конечно, на завтра не пошла.

Ни о чем не попросила.

Я стояла на солнечном берегу жизни. И медлила...

Может быть, потому, что была тогда уверена: «На свете счастья нет, но есть покой и воля».

Долго стоять на солнечном берегу жизни невозможно. Рано или поздно нужно пускаться в плавание – и там уж река протащит тебя по камням, встряхнет на перекатах, вынесет к новым берегам.

Когда меня выбросило на новый берег, я точно так же, как тогда, в тамбуре, вдруг осознала, как будто увидела первый раз пушкинские строки: «Я думал: вольность и покой – замена счастью. Боже мой! Как я ошибся, как наказан!»

Отсутствие несчастья не есть счастье.

Счастье – это совсем другое.

Это прямо со мной и прямо сейчас, но я не понимала, как это работает. Почему это досталось мне. И что с этим делать?

Мой друг Дима теперь был далеко, и мне некого было попросить написать мой портрет «сейчас, когда я счастлива». Мне только жаль было, что я не Ньютон и что меня не треснет по голове яблоко, чтобы понять внутреннюю логику этой формулы. Но у меня была эмпирика. Вот эта са-

мая реальность, которая, когда в ней оказываешься, выглядит параллельной, абсолютно невозможной – как жизнь на Марсе с радугами и единорогами. Слишком хорошо. Слишком странно. Слишком непонятно.

Я решила записывать кардиограмму. Проводить ежедневные метеорологические замеры. Я стала писать дневник – дневник счастливого человека.

Часть первая. Простые открытия

Как начинается день в Генуе.

Лестницы вместо улиц

Наслаждаться утром нового дня – целое искусство. Это только звучит поэтически – «утро нового дня», а на самом деле: звон будильника, еще пять минут, и еще пять, о господи, уже опаздываю, о необходимости плескать водой в лицо думаешь с содроганием, хорошо бы кофе, кажется, опять не успею, черт, уже надо выходить! Накраситься или опоздать? Накрашусь завтра. Кофе выпью потом. Почему я всегда опаздываю? Всё равно же ничего полезного с утра не делаю...

Вечная мечта – выспаться. Даже если заранее знаешь, что спать до полудня в итоге ничем не лучше. Гадкое чувство вины за то, что полдня прошло зря, никто не смолот кофе, не приготовил воскресного завтрака, и вообще: теперь завтракать или обедать?

...Утро в раю ничем не отличается от любого другого.

В Италии, в Генуе, утро непременно начинается с кофе в баре «sotto casa»¹, который ты выбираешь для себя навсегда

¹ [Кафе] «под домом» (*итал.*).

и с той же степенью ответственности, как англичане выбирают свой «local pub».

Перед тобой ставят чашку кофе, ты выпиваешь ее одним духом, тебе пододвигают стопочку с водой, ты опрокидываешь в себя и стопочку (на твой привычный жест смотрят с уважением – да-с, достигается тренировкой), впечатываешь монету в прилавок, – и... день начинает тебе улыбаться.

Но до кофе мне еще надо дожить.

Сто ступенек вниз по лестнице, которая притворяется улицей (наш официальный почтовый адрес – скалината делла Читтаделла, 3: лестница Цитадели, 3), – она очень старая, пятнадцатого века, ступеньки крутые, разновысокие, повороты самые неожиданные, своды низкие. Без сноровки можно не только голову зашибить, но и шею на этой скалините свернуть.

Скалината выходит на широкую улицу Бальби, сплошь застроенную дворцами: Палаццо Реале (Королевский дворец), факультеты Университета, Библиотека, и просто дворец, и чей-то помпезный дом с садом на крыше. Говорят, что в этом доме находится самая большая в Европе частная коллекция картин. И последний раз хозяин открывал ее, когда здесь с визитом был папа Иоанн Павел II.

Рядом с Университетом сидит смуглая тетка с жуликоватыми глазами и жарит на баяне. У нее такая работа. Она здесь каждое утро, каждый день, включая субботу и воскре-

сенье. В дождь и в жару. Сидит на табурете как на завалинке и наяривает: «Мой костер в тумане светит...». Ни слова при этом не знает по-русски. Я проверяла.

Прохожу площадь Нунциата (Благовещения), огибаю рынок, поднимаюсь 20 метров по еще одной скалинате, простите, нет – это салита: здесь ступенек нет, значит, не лестница, а подъем. Да, они все отличаются: виа, корсо, салита, скалината, викола – соответственно улица, проспект, подъем, лестница, переулок...

Посередине салита расширяется – в этом месте она называется «площадь», хотя размер у этой пьядцы как раз с лестничную площадку, максимум две. Ну что ж, если не площадь, то площадка. В этом есть свой лингвистический смысл.

Здесь я сворачиваю и поднимаюсь еще на 50 ступенек, чтобы сдать четырехлетнего Петьку в детский сад. Вытираю пот со лба и наконец-то начинаю ощущать первые признаки свободы.

Главный генуэзский завтрак – фокачча: горячая лепешка, пропитанная оливковым маслом и посыпанная крупной морской солью. Фокачча, как и песто (соус из базилика, твердого сыра и орешков пинии), – главная гастрономическая гордость Генуи. Фокачча может быть только дженовезе, то есть генуэзская; иногда ее пытаются имитировать, но не очень успешно.

Фокаччу полагаются покупать и есть только свежую; кроме того, ее надо попробовать в десяти разных пекарнях, выбрать место, где она понравится больше всего, и потом уже покупать только там. К самым лучшим фоккачериям всегда стоит очередь на улице. Ее можно купить на вес, можно взмахнуть рукой, показав, сколько отрезать, а можно сказать: мне фокаччи на пол-евро – и с вас возьмут ровно ту монету, которую вы приготовили.

Днем на прилавках гастрономических магазинов, киосков и кафе появится фокачча с песто, фокачча с сыром, фокачча с помидорами. И это будет уже обед.

А к вечеру фокаччу будут подавать как закуску к аперитивам, и вы сами, если ждете гостей или идете в гости, снова купите фокаччи.

И ваше следующее утро начнется с того, что вы увидите, как генуэзцы окунают свою любимую фокаччу в чашку с капучино. Главное – не слишком сильно этому удивляться.

Венецианцы имеют привычку на первый завтрак (и на второй) опрокидывать в себя стаканчик белого вина. Так у них заведено; хорошая альтернатива кофе. И работать после такого завтрака веселее.

Но здесь, в Генуе, на первом месте всегда будет фокачча.

Однажды мы с Сандро (тогда еще женихом, а не мужем) были в Пизе. Я пришла в ужас от специального аттракциона для туристов вокруг Пизанской башни: газон величиной

с три футбольных поля, опоясанный рядами палаток с сувенирами. И огромная, галдящая толпа, рассеянная по полю: едят, пьют, закусывают, фотографируются.

Я объявила срочную ретираду, и мы просто гуляли по старой части Пизы. Больше всего запомнились фигурные кольца коновязи с разными замысловатыми головами: львов, драконов, единорогов... Привязать к такой коня, громко постучать дверным молотком в огромную, высотой в два человеческих роста, дверь с железными шипами, и войти, бряцая шпорами, срывая на ходу дорожный плащ, эх!..

А за обедом нам дали что-то, отдаленно напоминающее фокаччу, – то есть тоже фокаччу, но в пизанском исполнении. Сандро пододвинул мне тарелочку и сказал: «Вот, попробуй, и сразу поймешь, почему мы с Пизой триста лет воевали. О чем можно разговаривать с людьми, которые делают такую гадость?..»

Даже не знаю, что мне кажется более странным: что два соседних города триста лет воевали (два часа езды на поезде regionale², за это время даже из Москвы до Тулы не доедешь), или что финальным аргументом оказывается фокачча.

² Класс поездов, соответствующий российским электричкам. От сверхскоростных экспрессов Freccia и от несколько более медленных и следующих с чуть большим количеством остановок, но всё же скорых поездов InterCity, поезда Regionale с их остановками «у каждого столба» отличаются большей любовью и вниманием к провинциальной и настоящей (а не туристической) Италии: они – не про «добраться из точки А в точку Б», а про жизнь и про умение наслаждаться моментом, а не торопиться и бежать; путешествие как процесс и максимальное погружение в повседневный мир маленьких итальянских городков и деревушек.

Кажется, здесь еда – эта та печка, от которой все танцуют.

Отдав дань главному генуэзскому ритуалу, можно наконец-то выпить и кофе.

Если вы хотите вести себя как итальянцы – то кофе надо пить стоя. Ну, хотя бы потому, что сидя – на 20 центезимо дороже.

Хотя главная причина – совсем другая: *правильные* кофейни – это те, где нет официантов, есть только хозяин за стойкой. Кстати, с ним надо поздороваться, узнать его имя и обязательно завести дружбу.

Бар³ около дома – это маленький клуб для тех, кто живет в квартале. Большинство баров-кафе – старые, выросшие первыми этажами в культурный слой, с винтовыми лесенками и туалетом в подвале или в каком-то подозрительном скворечнике на втором этаже. Некоторые новые кафе пытаются заманить к себе туристов и – о боже! – разрешают им пить капучино во второй половине дня (смертный грех, ужас, ужас). На этих смотрят с подозрением, презрительно называют их «предпринимателями» и всячески не замечают.

А бар «sotto casa» станет родным на второй день – где бы ты ни был, в любом уголке Италии; там тебя расспросят, утешат, расскажут последние новости, выяснят, что ты любишь, и будут ставить перед тобой именно твой кофе (который ты всегда пьешь), как только ты облокотишься на прилавок. Ес-

³ О том, почему кофе итальянцы пьют именно в «баре», см. на стр. 124–125.

ли есть желание, то можно завести беседу – всё равно кофе все пьют по утрам в одно и то же время, как на дежурстве, так что завтра ты увидишь здесь всё тех же людей: постаревшую даму с собачкой, двух смешливых девчонок перед лекциями, цветочника с другой стороны улицы – он потом сделает тебе скидку, и мускулистого типа в розовом галстуке (лучше не спрашивать его, кто он таков, а то придется потом с ним всю жизнь разговаривать, или менять удобное для тебя время утреннего кофе).

Тебе скажут: «чао, белла», если ты девочка. Тебя обязательно спросят о футболе, если ты мальчик. Даже если ты не говоришь на итальянском, тебе поулыбаются и покивают.

А дальше начнется рабочий день.

Но этим утром уже была фокачча, и кофе, и прогулка, и улыбки, – и день полетел воздушным змеем. Летит? Сверкает? Так ведь этого же мы и хотели.

Кой черт занес меня на эти галеры? *Как я оказалась в Генуе*

Всю жизнь я танцевала ритуальные танцы с разными подходящими и не подходящими мне партнерами. Один раз пойду, другой откажусь, в прошлый раз я была в джинсах, на следующий нужно провокационное платье – значит, надо срочно изобрести повод, чтобы такое платье надеть. Я ему уже два раза звонила сама – теперь надо ждать его звонка! (Хорошо, что сейчас есть мобильные, – а каково было «ждать звонка» у обычного домашнего телефона?)

На днях Сандро, мечтательно улыбаясь, вспоминал, как я была одета, когда мы с ним работали в Москве на фестивале.

– Ты имеешь в виду, когда мы познакомились, Сашенька?

– Ну да, когда познакомились, и потом, когда мы работали – сколько? Десять дней? Или больше? Я помню, у тебя был небесно-голубой пиджак, такой длинный, и светлые джинсы.

Сначала я вспомнила свой любимый голубой пиджак. А потом с ужасом осознала, что при встрече с женщиной моей жизни я действительно – десять – дней – подряд – ходила – в одном – и том же. Только майки меняла. Наверное. Совершенно не помню.

А помню я только, с каким трудом отклеивала себя от постели по утрам после четырех или пяти часов сна, как по-

вторяла себе, что, когда закончится этот проект, потом будет еще всего один, самый простой, и всё закончится, и можно будет выспаться и хотя бы два-три дня ничего не делать.

Помню все бесконечные перипетии с итальянской труппой. Спектакль был огромный, очень сложный; играть его должны были в театре Российской армии – единственном театре в стране, который подчиняется не Министерству культуры, а Министерству обороны, и вместо директора – генерал, а по многокилометровым коридорам бегают строем солдатики срочной службы.

Помню, что я была насмерть простужена, разговаривала как слон, которому наступили на хобот, и кашляла, как Чехов в Ялте.

Отлично помню всю русскую команду – про фестивальную работу в театре вообще стоило бы писать отдельно, правда, для этого пришлось бы воскресить жанр соцреализма, где все либо хорошие, либо очень хорошие, всё умеют, ничего не боятся и горой стоят за своих...

А вот итальянцев не помню совершенно. Во-первых, их было 40 человек, а во-вторых, никто из итальянской труппы, кроме технического директора Сандро, не говорил по-английски. Я быстро выучила по-итальянски «спасибо», «пожалуйста», «налево», «направо», «здравствуйте» и «до свиданья» – так же, как выучивала на любом другом языке для любой другой театральной труппы, но они так и остались для меня плохо организованной толпой немтырей, устраива-

ющих забастовки из-за отсутствия пива и вина на обед, скандалящих из-за туалетной бумаги и не понимающих, что график их работы вписан в график работы гигантской машины фестиваля, где параллельно идут 8–10 спектаклей в разных театрах Москвы. Самое интересное, что всех их я теперь хорошо знаю, почти всех люблю – каждого по-своему, но соединить этих отдельных людей, которых я знаю и люблю, с теми, составлявшими галдящую и постоянно чего-то требующую толпу, решительно не могу.

К Сандро я кидалась за разъяснениями всякий раз после того, как переводчики мне транслировали какое-нибудь новое, заведомо невыполнимое требование. Три дня у нас ушло на то, чтобы договориться, что все запросы будут поступать сразу к Сандро, а он уже будет передавать их мне. На четвертый день работы я наконец-то, с великодушного разрешения переводчиков, смогла добрать пару часов сна и приехать на площадку к 10 часам утра. Помню, с каким наслаждением я завтракала при солнечном свете, а не в потемках, благословляя русских переводчиков и итальянского технического директора. Позавтракав не спеша, я приехала на площадку, обошла, как мороз-воевода, свои владения, и только собралась найти какой-нибудь укромный уголок, чтобы закапать и запшикать себе в нос и в горло лекарства, которые позволяли мне говорить членораздельно, как эти самые великодушные переводчики напали на меня в темном коридоре, прижали к стенке и грозно спросили, сказала ли я Сашеньке – они с

самого первого дня стали называть Сандро Сашенькой – что у меня в наличии имеются сын и муж.

– Какой буж? Кобу сказать? Вы это о чёб? – прогундела я.

– А ты скажи, скажи, – еще строже приказали переводчи- ки и подтолкнули меня к Сандро, который как раз вывернул из-за угла, чтобы озадачить меня то ли арендой сварочного аппарата, то ли покупкой золотых рыбок.

И дальше я опять ничего не помню, кроме работы, – по- тому что на работе мы ни о чем не говорили, кроме работы!

Вот я всё время и думаю: нормальный я после этого чело- век или нет?

Самое обидное, что про него, про моего любимого и нена- глядного мужа теперешнего, я тоже ничего не помню.

Как он на меня смотрел? (нормально смотрел)

Как он был одет? (нормально был одет)

Как он попросил мой номер телефона? (при такой работе еще бы у него не было моего номера телефона)

Как мы в первый раз остались вдвоем? А мы вообще оста- вались вдвоем?..

Что-то же я должна помнить? Как – раз! – и выворачивает разговор совсем на другие рельсы; или вдруг становится по- нятно, что с завтрашнего дня ты будешь засыпать и просы- паться с улыбкой. Или, наоборот, становится страшно, пото- му что теперь на этого человека придется смотреть совсем другими глазами, и контролировать каждую фразу, и вооб-

ще... вносить коррективы в свое поведение.

А вот этого как раз и не было. Был просто хороший человек, очень профессиональный, очень внимательный, и всё с ним было легко и просто. А больше я ничего не помню.

Хотя нет, не совсем так. Я помню, как трогательно Сандро гордился тем, что для послепремьерного банкета он привез с собой вторую пару штанов – нерабочих, – и радостно мне их в день премьеры продемонстрировал. А на этих «выходных» штанах (приготовленных специально для банкета!) красовалось какое-то очень профессиональное пятно на колене. Я прямо видела, как на предыдущей премьере за пятнадцать минут до спектакля надо было что-нибудь срочно переносить, сгружать или чинить, поддерживая коленом... А может, это было две или три премьеры назад, а штаны так и остались лежать в гастрольной сумке.

Штаны эти я, конечно, уже спрятала: пятно с них не выводится (что не мешает моему Сашеньке называть их «выходными»). Они лежат рядом с моим голубым пиджаком, который тоже давно превратился в линялую тряпочку.

Dark designer. *Генуя и Рим* – *первое знакомство*

После десяти дней совместной работы последовала ежедневная двухмесячная переписка на английском. У нас была очень важная тема: работа. И еще одна важная тема: как мы устали, черт возьми, и зачем мы только связали свою жизнь с театром. Могли бы ведь работать в банке.

– Представляешь, – говорил мне Сандро, – мы бы в шесть вечера уходили домой. Каждый день. Всегда. И выходные!

– Да, – мечтала я, закрывая глаза, – и выходные, и регламентированный отпуск. И спать сколько хочешь.

– Кстати, – вдохновенно продолжал Сандро. – Приезжай, когда у тебя закончатся проекты. Италия – неплохая, в общем, страна.

– Вас Бунин дискредитировал, – сообщала я.

– Что? – удивлялся Сандро.

– Иван Бунин, – поясняла я. – Нобелевский лауреат.

– И что? Он плохо писал про Италию?

– Данте ваш, говорил, в бабьем шлыке.

– Не понял.

– Не бери в голову, просто русские ассоциации по поводу дантовской шапочки.

– Шапочка смешная, да. Не буду отрицать. Но это было примерно всё, что ему не понравилось в Италии?

– М-м-м-м, еще, кажется, эстетствующие болваны.

– У нас таких полно, – сразу соглашался Сандро.

– На самом деле Бунин про наших эстетствующих болванов говорил. Дескать, живет такой у себя в провинции, в Белёве под Калугой, и во Флоренции был всего одну неделю за всю жизнь. А сам твердит: «Я люблю во Флоренции только треченто⁴...»

– Хороший писатель ваш Бунин. Наши болваны точно такие же. А что, ты говоришь, мне у него надо почитать?

Я диктовала названия, навскидку переводя их на английский.

– Да, – возвращался к теме Сандро, – но главное не это. Не могут же быть главными болваны? (Я счастливо смеялась.) *Importante* – это то, что у меня есть гостевая комната со ставнями. Я, конечно, *light designer*, художник по свету, но ради тебя я готов сделаться *dark designer* – художником по темноте. Подготовлю к твоему приезду комнату так, что ты сможешь там спать сколько хочешь.

Как может сильно уставший человек отказаться от такого приглашения?

Конечно, я поехала.

– Наш дом, – заявил Сандро, широко поводя рукой по ма-

⁴ Треченто (*итал.* *trecento* – букв. триста, а также 1300-е гг.) – принятое в итальянском языке наименование XIV в. В истории искусства и культуры «треченто» используется также для обозначения периода в развитии итальянского искусства Возрождения – Проторенессанса.

ленькой квартирке под самой крышей средневекового здания.

Как всякая нормальная девушка, я должна была заинтересоваться притяжательным местоимением «наш» – спросить «чей это наш?», или что-нибудь в этом роде. Но я же дипломированный филолог...

– Почему же это – «дом»? – спросила я. – «Casa» – это же дом. Ну то есть с крышей и всякими такими штуками.

– Типа?

– Я не знаю... типа отдельных стен, например.

– А, это у нас есть. Сейчас увидишь. И я смогу спокойно говорить «casa» и дальше.

– Хорошо, а слово «квартира» есть?

– Есть. Appartamento. Только мы его редко используем.

– Ага. Апартаменты. У нас тоже такое слово есть.

– И вы его используете?

– М-м-м-м. Наверное, тоже редко.

– Ну вот видишь. Добро пожаловать домой.

Место, в которое я попала, больше всего напоминало жилище Герды или Кая – под самой крышей, в большом городе, «где дома стоят так близко друг к другу, что их кровли почти соприкасаются». У кухни («новострой, – небрежно обронил Сандро, – в восемнадцатом веке добавили»), были свои отдельные стены, своя крыша и выход на другую крышу прямо под ногами; на ту же подножную крышу выходили окна двух комнат. Террасу подпирали справа и слева другие дома,

и вокруг – тоже крыши, крыши. Я поняла, что мой мальчик, читающий Карлсона, будет в восторге, если ему это показать. Вообще, наверное, детство, проведенное в таком месте, – это счастье.

– Есть только один нюанс. Я надеюсь, что ты не очень расстроишься.

Пауза. Вообще-то очень не хотелось расстраиваться в первый день долгожданного отпуска.

– Ты знаешь, это как раз треченто. Тысяча триста какой-то год. Я видел на притолоке, когда штукатурил. И на входной двери внизу тоже есть дата. Это бывший монастырь.

– Ну и ладно, – решила я, – плевать на эстетствующих болванов. Треченто мне нравится.

Августовская Генуя была жаркой и пустынной, как Сахара.

Мы с Сандро оказались одни в пустом и пыльном, оставленном жителями городе. Глухие серые ставни-сарачинески⁵ – с листочками «закрыто на каникулы до сентября», маленькое кафе на пустынной площади без единого посетителя, очередь из трех потерянных, невменяемых от жары людей около мороженщика на углу и никакого движения.

Я могла бы наслаждаться красотой великолепной Генуи, морем, поездками на скутере, гамаком на террасе, отличным

⁵ Название – в память о набегах сарацинов, регулярно грабивших Геную по ночам.

вином по три евро литр, – но нет. Меня влек могучий туристический инстинкт. Мне хотелось *что-нибудь увидеть*.

Но если в Генуе мы были одинокими мародерами – то в Риме оказались частью несметного полчища варваров, наводнивших Вечный город при полном отсутствии жителей. Японцы, намертво приклеенные к своим фотоаппаратам, ускоренным маршем обходили помеченные в плане ключевые точки города. Европейцы и американцы страдали от жары, плавилась как пластилин, утирали пот и прикладывались к бутылочкам с водой, но все стремились, как и я, *что-нибудь увидеть*.

Номером один в моем плане стояла Сикстинская капелла.

Турист – это профессия. Видела я дилетантов в русских монастырях, пытающихся попасть в Покрова-на-Нерли в шортах... Я же готова была стать туристом-профессионалом: меня не пугало ожидание, проверки на всех входах, я знала, как надо одеваться (а то ведь наглядное пособие «что можно, что нельзя» появляется у тебя перед глазами, только когда отстоишь трехкилометровую очередь).

То, к чему я не была готова в Сикстинской капелле, – это к дежа вю московского метро в час пик. Мне наступали на ноги, пихали локтями в рёбра, не шутя толкали в спину и даже ухитрялись каким-то образом поддавать под коленки. Закроешь глаза – и кажется, что ты на станции «Киевская», откроешь – фрески божественного Микеланджело в высокой вышине, а вокруг толпа людей с фотоаппаратами вместо лиц.

А на улицах и площадях, поближе к дающим прохладу фонтанам, собирались римляне (глядя на их носы, я начинала понимать, почему Гоголь чувствовал себя здесь почти как дома). На лестнице, ведущей к площади Испании, у фонтана Треви ночи напролет веселилась молодежь – гитары, песни, вино из горла, – и были они похожи сразу на всех персонажей Ремарка, Хемингуэя и «Римских каникул». Впрочем, скорее всего – только на посторонний взгляд. Ведь когда влюбленный в Италию Вуди Аллен снял фильм о Риме, итальянцы (и римляне прежде всего) возмутились: «Ничего-то он про нас, балбес американский, не понял».

Может быть, и не понял, но, благодаря ночной прохладе и молодым шалопахам с дешевым вином и веселыми песнями, Сандро удалось сдержать свое обещание: он вполне справился с ролью художника по темноте – все самые лучшие впечатления от Рима оказались ночными.

Квартал Пре. *Старый город и Старая Гавань*

Наша нарядная улица Бальби была задумана как триумфальный вход в город для путешественников – от красивейшего здания вокзала, через площадь с монументальным Колумбом («Христофору Колумбу – от Родины», написано на памятнике, хотя Родина Колумба откровенно «послала» – и вовсе не в Америку), мимо старинных отелей, дворцов и Университета (Университет – это тоже несколько дворцов со львами на лестницах).

Параллельно ей идет длинная, узкая, темная и страшная улица Пре. За ней, всего в двадцати метрах, начинается порт.

Сейчас, конечно, уже не совсем порт. Сравнительно недавно архитектор-генуэзец Ренцо Пьяно (прославившийся, как и большинство знаменитых генуэзцев, за пределами своей Патрии) мановением руки превратил Старую Гавань, Porto Antico, в беленькую и чистенькую прогулочную зону. Генуэзцы новую версию Старой Гавани полюбили, в самый большой аквариум Европы стоят очереди, по набережной бегают трусцой подтянутые яппи, всё видимое пространство моря заполнено белоснежными яхтами, и... ничего не осталось от настоящего старого порта, как я себе его представляла по рассказам дедушки-моряка.

Дух порта теперь можно найти только в одном месте – на

улице Пре. Именно здесь оказался весь экзистенциальный осадок пестрой, грязной и шумной портовой толпы. Тут тебе и проститутки (очень страшные), и забегаловки с экзотической едой (судя по запаху, жареные кошки), и негритянские парикмахерские, и мясные лавки халяль, и даже магазинчик «Quick Mart», в точности как у Апу из мультфильма про Симпсонов.

Итальянскую речь на улице Пре не услышишь, там принято разгуливать в национальных костюмах и пасти очень чумазых детей в подворотнях (дети выглядят счастливыми)... Наш муниципалитет должен бы уже догадаться и выпускать на эту улицу безработных актеров в костюмах моряков – тогда иллюзия портовой жизни будет полной. А с туристов брать за проход по этой улице умеренную плату.

Квартал Пре знавал и лучшие времена. Здесь, так же как и во всех других кварталах Старого города, была сосредоточена деловая жизнь: Генуя вдохновенно торгует с тех пор, как себя помнит.

Улица Пре упирается одним концом в Порта деи Вакка, въездные ворота в город: высокая стрельчатая арка (чтобы самому большому воображаемому великану не показалось тесно), две стройные башни по бокам, наверху у башен зубцы в форме ласточкиного хвоста – в точности как на стенах московского Кремля.

На другом конце улицы – Комменда дель Пре, ключевое

место для истории крестовых походов, начинавшихся здесь, в Генуе (с 1095-го по 1291-й). Тогда это было место, где могли остановиться пилигримы, отправляясь в Святую землю. И не только пилигримы: благородные рыцари, искатели приключений, будущие мародеры, третьи сыновья малоземельных ландграфов, нищие, бродяги, блаженные, святые, бедные и богатые, – все, по уставу ордена, могли получить здесь помощь и пристанище. Историки говорят, что вместо скамеек в нижней и верхней церквях устанавливались койки – чтобы лечить дух и тело одновременно (молитвой, разумеется). Вылечившись и отдохнув, вся эта разноплеменная, шумная и не совсем мирная толпа устремлялась в ворота города – те самые, с ласточкиными хвостами на зубцах, растекалась оттуда по свету и, уже изрядно потрепанная, возвращалась сюда, где скорбных духом и телом вновь лечили молитвой.

Моя свекровь, из хорошей миланской семьи, прожив в Генуе больше двадцати лет, ни разу на «дурную дорожку» улицы Пре не ступила. Но я-то пережила в России девяностые. Проходя между ворами велосипедов и продавцами наркотиков, я вижу здесь историю, как она есть. Та же толпа, те же пилигримы и блаженные, те же мародеры и искатели приключений, всё то же движение туда и обратно.

На виа Пре, так же как и на виа Маддалена, виа Джустиниани и на других улицах треченто и кватроченто⁶ – то есть

⁶ Кватроченто (*итал.* quattrocento – четыреста, а также четырёмсотые годы) –

не только по дороге в Старый город, но и внутри него, – везде достаточно протянуть руку, чтобы прикоснуться к истории, причем в буквальном смысле.

Да, все эти кварталы считаются теперь неблагополучными, да, там шастают подозрительные личности и редко звучит европейская речь, – но стоит открыть тяжелую дверь со средневековыми шипами, как окажешься во внутреннем дворике с колоннами, где прямо перед тобой из пасти Нептуна извергается маленький водопад. В средние века здесь были конторы негоциантов и арматоров, а сейчас – офисы адвокатов, дизайнеров и тренеров личностного роста.

Прогуливаясь по средневековым улицам Генуи, сложно даже предположить, что внутри этих обшарпанных домов может скрываться что-нибудь, кроме грязных притонов. Всё дело в том, что красота здесь надежно спрятана внутри, а изнанка вывернута наружу.

Я это обнаружила совершенно случайно, в первый раз отправившись в гости (и начав, как и положено терпеливому пилигриму, с самого начала, с исторического въезда в город – с улицы Пре). За толстыми стенами и замызганной дверью открывался лес стройных беломраморных пальм, глянцева черная лестница из знаменитой генуэзской ардезии (ее еще называют шиферным камнем) уходила куда-то в темноту арочных сводов, пол был вымощен черными и белыми ка-

общепринятое обозначение эпохи итальянского искусства XV века, соотносимой с периодом Раннего Возрождения.

менными плитками, как гигантская шахматная доска.

Сочетание черного и белого – это фирменный знак классической генуэзской архитектуры. Наверное, еще и потому, что в такой темноте, которая обычно царит в старых генуэзских палаццо, ничего, кроме черного и белого, не разглядишь, – чего ж тогда мучаться, фрески какие-то писать, если их всё равно никто толком не рассмотрит?

Это, кстати, одна из причин, по которой мигранты живут в Старом городе: квартиры, в которые по определению не попадает солнечный свет, стоят не очень дорого. Впрочем, словоохотливая негритянка с примотанным к спине ребенком рассказала, что у них ровно в полдень на один из подоконников на четверть часа ложится прямой солнечный луч. Очень гордо она об этом рассказала, когда мы заметили, что здесь, должно быть, темновато.

А наши друзья купили себе квартиру на последнем этаже – просторную, светлую, с великолепным видом на порт, с террасой, балкончиком и еще одной дополнительной крытой террасой, больше похожей на скворечник, который они почему-то называли верандой. И всё было бы прекрасно, если бы не сотни крутых и очень высоких ступеней, которые нужно преодолеть, чтобы оказаться в этой светлой и солнечной квартире.

Среди домов и палаццо эпохи Генуэзской Республики очень редко попадаются строения, в которые можно хоть как-нибудь втиснуть лифт. Потому что там, где есть место

для лифта, обязательно найдется какой-нибудь Нептун, взятый под защиту ЮНЕСКО, а там, где нет Нептуна, – лестница вычерчена такой замысловатой загогулиной, что ни о каком лифте не может быть и речи.

Я взбиралась по крутым ступенькам на какой-то поднебесный этаж и хохотала как сумасшедшая: хочешь быть паломником – будь им. Твой путь к Сантьяго ди Компостела найдет тебя сам.

Casa dolce casa. Дом и его устройство

Домик Кая и Герды, обруганное Буниным треченто, крыши, крыши, крыши – и ни одного прямого угла. Всё это стало теперь моим домом.

Сто крутых ступенек вверх по улице Бальби, скрипучая железная калитка под аркой, беленые стены, затертые фрески. От большого монастыря еще остались полузаброшенный садик, двухэтажный арочный переход почти в руинах, богоспасительные надписи на притолоках.

Большие квартиры, похожие на старые московские, и панельные дома на периферии, и роскошные апартаменты в пару сотен квадратных метров, – всего этого хватает в Италии. Но всё же во всех итальянских городах, где сохранился исторический центр – а таких немало, – можно найти относительно недорогое жилье в умопомрачительно старых домах.

В них может не быть проточной воды – это значит, что на крыше есть большой резервуар, где скапливается и отстаивается вода. Туалет может находиться в каменной кабинке, «подвешенной» над мостовой, – средневековая идея гигиены и санитарии «защита» не в память учебников, а прослеживается в фасадах зданий (канализация теперь есть, есть, но само наличие этих каменных скворечников над головами прохожих не дает забыть о том, как «работали» раньше туалеты). В таких домах толстые стены и старые деревянные

балки, слой трухи толщиной в метр между перекрытиями и произвольный угол пересечения плоскостей (точно не 90°). Собственно, и снаружи в средневековых итальянских кварталах стены не только неровные, но даже не всегда вертикальные. Генуэзские старые дома, стоящие так близко, что не во всяком переулке могут разминуться два пешехода, наверху утыканы арочками-распорками: без них они бы сложились как карточный домик.

Приглашая к себе гостей издалека, итальянцы скорее всего постараются блеснуть изготовлением фирменного блюда своей провинции: и тогда в Лигурии вам не миновать песто, в Ломбардии – ризотто, в Эмилии-Романии – пасты домашней лепки с начинкой, а в Венеции – чего-нибудь с чернилами каракатицы.

Итальянцы будут заставлять вас есть так же, как русские заставляли вас в юности пить. Поэтому лучше всего заранее объявить, что вы еще не до всех кулинарных изысков дозрели – если такие есть, конечно; или придумать себе не до конца диагностированную пищевую аллергию, а уже на месте разбираться с чернилами каракатицы и прочими улитками.

Мне, например, первый раз в гостях предложили неровные куски вареного теста, перемазанные чем-то зеленым. Оказалось, что это была паста домашнего приготовления (высший шик!), которую хозяйка готовила лично, как и песто. Слава богу, это оказалось вкусно, но начинать есть мне

пришлось с закрытыми глазами.

Тем не менее, в гостях у этих прекрасных людей бывать очень приятно. Вино льется рекой, еда вкусна (иначе и быть не может – это же итальянская еда), до ужина вас ждут аперитивы на террасе, после ужина – диджестивы: граппа, коньяк, бренди.

Каждый итальянский дом, даже если это маленькая квартира под самой крышей, – отрада усталого путешественника.

Гостить подолгу – уже сложнее: жить в таких температурах, в каких привыкли зимовать итальянцы, русский человек не может. Каменные полы, каменные стены и восемнадцать градусов на термометре – вот нормальный климат обычного итальянского «*casa dolce casa*»⁷.

Витрины магазинов зимой наполняются байковыми пижамами антисекс – комбинезонами толщиной в палец, еще на два пальца ворса; я уверена, что в таких можно спать и на снегу. После ночевки зимой в Тоскане (там, где Данте придумал ледяной круг Ада) я поняла, зачем нужен ночной колпак.

Сандро поставил отопительную систему буквально за год до нашего знакомства. А до этого протапливал отдельно только ванную комнату обогревателем, и на маленькой электрической печке грел себе пижаму: чтобы переодеться, дро-

⁷ Итальянский вариант английского «*home sweet home*».

жа, у той же печки и нырнуть с разбегу в кровать – пока теплый.

Удивительно, подумала я, ведь то же самое рассказывала прабабушка Наташа – про то, как жили на даче до того, как построили домик: «Нагреешься у костра, с одного бока, с другого, – и нырнешь в шалаш».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.